

Именно так я назвал бы первый сборник стихов ангарчанина Андрея Турукина. Передо мной на рабочем столе лежит ещё только рукопись его будущей книги. Без названия. И без пока ещё выстроенной автором внутренней логики. Но прежде *ad notanda*, как говорится: «следует заметить».

Бывает, что вроде бы неприметный на первый взгляд молодой человек скромно протянет тебе ещё только рукопись своего первого собрания стихотворений, ты прочтёшь её — и тут же воскликнешь: «Да это же поэт! Лиричный, импульсивный, литературно скроенный». Я говорю именно об ангарчанине Андрее Турукине. Вот уж от кого, говоря с искренним пиететом, я совершенно не ожидал такой литературной прыти.

Я ещё не знаю, в каком виде предстанет перед читателем его первый поэтический труд, как он будет сформирован структурно и композиционно, мне важна внутренняя логика сборника стихов, его настроение, эмоциональная составляющая, пусть даже идущая от куртуазной поэзии Средневековья. Ведь лучшие элементы этой поэзии служили опорой для становления поэтов не только Золотого и Серебряного веков литературы, но, как ни странно, модернизма и постмодернизма.

Почему-то смею предположить, что новым поэтом, «вылупившимся» из скорлупы так забытого нами западноевропейского романтизма, уже завтра будет интересоваться какой-нибудь из трёх союзов писателей России. Тем не менее, основываясь на манере поэтического письма и предпочтениях национальной окраски, рано или поздно Андрей Турукин окажется в лоне Союза российских писателей. Место ему именно там. Иначе парня будут «ломать» редакторы иного литературного сообщества под себя. А это — путь к творческой гибели поэта.

Чем же так привлекателен новый поэт, возникший как свежий августовский гриб после дождя? Какая Дульсинея из соседнего квартала скрывается в его романтических виршах, воспрянувшая вновь из рыцарского романа «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса Сааведра? Чем латентные, скрытые в стихах Андрея Турукина современные героини похожи на героинь «Декамерона» Джованни Боккаччо или на прекрасных дам из «Золотого осла» Апулея? Какая новая сногшибательная голливудская «Красотка» Вивьен из Ангарска так пламенно отдаётся поэту в его собственных стихах? Какие нотки молодого стихотворца перекликаются с поэзией средневековых трубадуров и миннезингеров — этих придворных рыцарских поэтов и певцов-менестрелей, превозносивших в своих песнях и балладах само рыцарство и воспевавших, восхвалявших свою любовь к «даме сердца»?

Читайте сборник стихов, трепещущий в ваших чутких к поэзии руках, и вы откроете для себя все эти тайны. А сам Андрей, если его облечь в рыцарские доспехи из куртуазного английского романа Вальтера Скотта «Айвенго» и в мелодии поэмы «Песнь последнего менестреля» да заставить прочесть собственные стихи, будет просто неотразим. Таково, на мой взгляд, его только рождающееся поэтическое искусство, отдалённо напоминающее будоражащее кровь вино эпох Ренессанса и Возрождения.

Однако не всё в стихотворчестве Турукина вращается вокруг куртуазного романтизма. Поэт, реализуя свой социальный опыт, порой может выглядеть предельно жёстким и бескомпромиссным. Евангельский завет: «Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую», — явно не про него. «Нельзя за боль врагу платить любовью, иль жертвы их покой не обретут», — заявляет автор. Скорее всего, это психологический шрам на сердце поэта в результате каких-то армейских или иных воспоминаний. И он несколько утяжеляет книгу, где автор забывает другой евангельский завет — прощать своего врага «до семижды семидесяти» раз.

Влияют ли такие сентенции на внутреннюю логику сборника стихов Андрея Турукина? Думаю, нет. Об этом говорят художественные особенности его поэтического труда. «Я пёс... — неожиданно заявляет о себе Андрей. — Я — герой второго плана... Я — битый файл... Я — сын Империи! Во мне она жива!.. Прав на войне лишь тот, кто уцелел». А дальше — другие сравнения: «чувства — что порох мелкий», «мысль, словно птица из сказки», «звёзды — драже», «месяц — миндаль», «осень — ведьма», «память — банкир». Правда, некоторые двусоставные сравнения не новы (кроме «память — банкир»), но важно то, что молодой поэт ищет свои реминисценции.

К ним примыкают авторские находки образов: «луч на острие клинка», «сфинксы хандрой спрессованы», «погода грустно корчит рожи», «в осеннем парке прячется печаль», «другая разжигает мой очаг» и иные образы. Типа «ожерелье из кипенно-белых цветов», «пляжи из чёрных песков», «волны на выгнутых спинах», «подвалы утраченных лет».

Очень жаль, но метафор, кроме «пережжённого лета», «счастливого вчера» и «лазеров многоточий», я у Андрея не обнаружил. А они для любого поэта — показатель его зрелости. Нет метафор — нет поэзии как таковой. На образах и сравнениях далеко не уедешь: Парнас всё время будет отдаляться. Но неожиданный поэтический пассаж: «Давай упадём! Для разнообразия — вверх!» — меня покорила своей философской неординарностью. Именно этим стихотворением Андрею Турукину и желательно заключить свой поэтический сборник. А настоящий опыт придёт.

NB. Но всё же — откуда истоки этого поэтического пассажа? Оказывается, у группы «Animal ДжаZ» есть великолепная по

смыслу и энергетике песня «Падать вверх». Вот её романтическое начало в стиле московской поэтессы Веры Полозковой:

Возьмём немного дыма сигарет,
Чуть-чуть добавим солнца и дождя
И разрисуем всё в знакомый цвет.
Смотри: вот это ты и вечный слева я.
Привычный мир оставив за спиной,
В пространстве, где летают острова,
Ты вновь поверишь в то, что я живой,
И я опять поверю в то, что ты жива.

Далее в песне повествуется о том, что влюблённая пара становится на карниз — и на парапете остаются лишь «слёзы падающих вниз». Такая «романтика» сегодня, когда проблема группового суицида в школьной среде в России и за рубежом встала в полный рост, провокационна. И потому исполнители популярного джаза заявляют: «Но падать мы отныне будем вверх». Поэт Андрей Турукин в своём философском стихотворении «Эмпирей» даёт свою интерпретацию:

Давай свою руку. Пора уж. Идём! —
Есть в небо лазейка. Такой вот огрех.—
Ты держишься? Крепко? Давай упадём!
Для разнообразия — вверх!

А «вверх» — это якобы в мистические эмпиреи местопребывания богов, где — по наивным представлениям древних греков — самая высокая часть неба, наполненная огнём и светом. И всё же осторожнее, поэт: не обожгись!

Февраль — март 2017